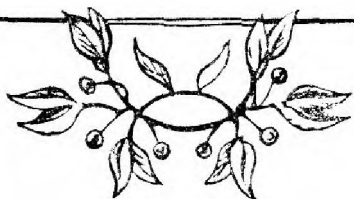

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small decorative flourish consisting of two symmetrical, pointed shapes meeting at a central point.

A decorative flourish consisting of a central, stylized, wing-like or scroll-like shape.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

А. А. Бестужев-Марлинский

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Напрасно г. К-ъ сомневается в существовании собственно русского языка. Когда и как составилсЯ он и отделился от славянского, того никто определить не может, но что это было и было гораздо прежде XII века, доказывается «Русскою Правдою» и «Словом о полку Игоря». «Немелю ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повестей», — говорит сочинитель «Слова», а следовательно, язык, которым пел он, был уже в его время старинным, но все-таки не славянским.

Сам преподобный Нестор часто удаляется от языка церковного или, лучше сказать смешивает оный с народным. Например, он пишет вместо славянских: *просяще, хотяще, спяще, владеет, недовлеет* и проч. *просяче, хотяче, спяче, владеет, ненадобе*, и тому подобное...»

...О песнях сказать нечего: большая часть оных моложе 350 лет: но возможно ли чтоб древнейшие из них, изменяясь преданием изустным, не оставили на себе никакого признака родного языка? Стихи труднее переделывать, чем прозу, а мы не находим в них и следа выражений славянских: поэтому я, со всем уважением к почтенному критику, не отступлюсь от языка предков моих, на котором они радовались и горевали, пели и совещались.

Замечание на критику, помещенную в № 13 «Сына Отечества». 1 —
«Сын Отечества», 1822, № 20, стр. 254—258.

Почему, в периоде русской литературы до татар, вы определенно сказали, что «язык церковный был долгое время исключительно книжным языком?» «Русская правда» издана Ярославом около 1019 года, но она написана не по-славянски. «Песнь о полку Игоря» принадлежит к XII веку, но весьма далека от языка церковного. Многие грамоты переходят отличительно в собственно русский язык, следовательно нельзя сказать будто «книжный язык летописей, повестей и проч. был тот же богослужебный...»

Почему вы сказали, что «Слово о полку Игоря» писано тогдашним народным языком русским, близко подходящим к слогу Нестора и переводу библии.

Во-первых, говоря о языке, вы сбиваетесь на слог, а это две вещи одна от другой независимые. Потом, соглашаясь с мнением, что «Слово» сие писано по-русски, не признаю, чтобы народный язык был когда-либо книжным, еще менее библейским ибо все доказывает противное. Следовательно, близкого между ними сходства существовать не могло... в «Слове о полку Игоря» язык и слог совершенно отличны от церковного и скорее подходят на язык и слог новгородской летописи издавна, а ближе «Русской правде» судя по особенному их словосочинению, особому выражению.

Письма к издателю «Сына Отечества» «Почему». ² —
«Сын Отечества», 1822, № 18, стр. 159—160.

... Г. возражаетель, говоря в окончании письма своего о каком-то способе достигать (нам, русским) до той цели, чтобы иметь свои собственные названия (т. е. номенклатуру) не думает ли, что это достигается методически? На сие отвечаю мнением знаменитого нашего историографа: «Слова не изобретаются Академиями, они рождаются вместе с смыслами и в употреблении языка или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслью одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого законодательства с нашей стороны; мы не даем, а принимаем оные».

Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения». ³ —
«Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 14, стр. 219.

Гений красноречия и поэзии, гражданин всех стран, ровесник всех возрастов народов, не был чужд и предкам нашим. Чувства и страсти свойственны каждому; но страсть к славе в народе воинственном необходимо требует одушевляющих песней, и славяне, на берегах Дуная, Днепра и Волхова, оглашали дебри гимнами победными. До XII века, однако же, мы не находим письменных памятников русской поэзии: все прочее сокрывается в тумане преданий и гаданий. Бытописание нашего языка еще невянтнее народных. <...> С Библиею (в X веке), написанною на болгаро-сербском наречии, славянизм наследовал от греков крассты, прихоти, обороты, словосложность и словосочинение эллинские. Переводчики священных книг и последующие летописцы, люди духовного звания, желая возвыситься слогом, писали или думали писать языком церковным — и оттого испестрили славянский отечественными и местными выражениями и формами, вовсе ему несвойственными. Между тем язык русский обживался в обществе и постепенно терял свою первобытную дикость, хотя редко был письменным и никогда книжным. Владычество татар впечатлело в нем едва заметные следы, но духовные писатели

XVI и XVII столетий, воспитанные в пределах Польши немало искажили русское слово испорченными славенопольскими выражениями. От времен Петра Великого с учеными терминами вкралась к нам страсть к германизму и латинизму. Век галлицизмов настал в царствование Елисаветы, и теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чужих ему наречий.

1823. Взгляд на старую и новую словесность в России.
Соч., т. XI, стр. 207—209.*

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык имеет свои краски, т. е. звуки. Он ими воображению нашему может весьма часто рисовать или живописать предметы... Этой живописью или обрисовкою язык наш богат, но он не только удачно может придавать краски предметам, совершенно лишеным чувственности: он не только живописен, но и... звучен... Чтобы увериться в звучности русского языка... стоит только прочитать лучшие сочинения Державина.

*Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения» —
«Соревнователь просвещения и благотворения», 1821.
ч. 14, стр. 212—214.*

Новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его. Время невидимо сеет просвещение, и туман, лежащий теперь на поле русской словесности, хотя мешает побегу, но дает большую твердость колосьям, и обещает богатую жатву.

*1823. Взгляд на старую и новую словесность в России.
Соч., т. XI, стр. 243.*

...Русский язык подобно германскому в XVIII веке возвышается ныне, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Теперь ученики пишут таким слогом, которого самые гении сперва редко добывали, и теряя в числительности творений, мы выигрываем в чистоте слога. Один недостаток — у нас мало творческих мыслей. Язык наш можно уподобить прекрасному уснувшему младенцу: он лепечет сквозь сон гармонические звуки, или стонет о чем-то; — но луч мысли редко блуждает по его лицу. Это младенец, говорю я, но младенец — Алкид, который в колыбели еще удушал змей! — И вечно ли спать ему?

*1823. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.
Соч., т. XI, стр. 179.*

* Высказывания А. А. Бестужева-Марлинского, кроме особо оговоренных, приводятся по Собранию сочинений в 12 томах, СПб., 1838.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

Как не пожалеть, что некоторые... по незнанию ли отечественного языка или тщеславия быть известными в чужих краях пишут на языке французском! Это в первом случае не извинительно, а во втором — слишком для русского унижению: Державин не имел надобности писать по-китайски, но ода «Бог» переведена на китайский язык.

Опыт о происхождении зла, сочинение русского офицера. — «Сын Отечества», 1819, № 21, стр. 68.

В одном месте он⁵ обвиняет меня за слово «религиозный». Я был бы ему очень благодарен, если бы он... заменил чужестранное сие слово «религиозный» русским, равносильным.

Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения». — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 14, стр. 217.

Просвещение не вдруг проникло в умы предков наших, но по природе вещей, мало помалу развило новые идеи, которые требовали новых знаков для выражения, ибо нельзя ни назвать, ни пожелать того, в чем не имеем ни малейшего понятия. Науки изобрели знаки свои (или имена), а утонченные системы наук раздробили лестницу номенклатуры на мелкие ступени, ведущие разумом к совершенству. Русские, подобно всем, переходили через поле невежества к рубежу образованности, и язык наш, всегда верный истолкователь понятий и нравов народа шел всегда наравне с нами... Но можно ли найти в летописи Несторовой термины физические или философские? ...Нет у нас языка философского, нет номенклатуры ученых.⁶

Торжественное заседание императорской Российской Академии. — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 13, стр. 307.

...не ум языка порождает слова, а ум превосходных писателей, которых у нас не очень много. Доколе мы не будем обогащены оригинальными сочинениями, в которых бы выражены были понятно и чисто все мысли, встречающиеся в отвлеченных науках, до тех пор, кажется, можно говорить, что в «логическом и метафизическом выражениях язык наш... не превосходит языков классических».⁷

Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения». — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 14, стр. 216—217.

Язык славянский служит теперь для нас арсеналом: берем отсюда меч и шлем, но уже под кольчугой не одеваем героев своих

бычачьей кожей, а в охабни рядимся только в маскарад. Употребляем звучные слова, напр., *вертоград, ланиты, десница*, но оставляем червям старины *само и овамо, говяда* и тому подобное.⁸

Замечания на крикику, помещенную в № 13 «Сына Отечества». — «Сын Отечества», 1822, № 20, стр. 262—263.

Для трагедии ни один из живых европейских языков не может быть склоннее русского: отсутствие членов и умолчание глаголов вспомогательных творят его плавным разнообразным и вместе сжатым. Высокость речений славянских, важность и богатство звуков придают ему все мужество, необходимое для выражения страстей нежных или суровых.

1823. Взгляд на старую и новую словесность в России. Соч., т. XI, стр. 237.

...слог прозы требует не только знания грамматики языка, но и грамматики разума, разнообразия в падении, в округлении периодов, и не терпит повторений. От сего-то у нас такое множество стихотворцев (не говорю: поэтов) и почти вовсе нет прозаиков, и как первых можно укорить бледностью мыслей, так последних — погрешностями противу языка. К сему присоединилась еще одно-сторонность, происшедшая от употребления одного французского и переводов с сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото одного на блестящие заморские безделки.

Там же.

В отношении к писателям я замечу, что многие из них сотворили себе школы, коих упрямство препятствует усовершенствованию слова, другие не дорожат общим мнением и на похвалах своих приятелей засыпают беспробудным сном золотой посредственности. Наконец, главнейшая причина есть изгнание родного языка из общества...⁹

Там же, стр. 242.

Было время, что мы непопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадем мы в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски? Бог весть!

1825. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. Соч., т. XI, стр. 191.

РОЛЬ ПИСАТЕЛЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В летописях, до нас дошедших, первое место занимает Несторова. Они писаны хронически, слогом простым, не кудрявым, но более или менее ознаменованным славянизмом.

1823. Взгляд на старую и новую словесность в России. Соч., т. XI, стр. 219.

Возвышенные песнопения старины русской исчезли, как звук разбитой лиры. Одно имя соловья Бояна отгрянуло в потомстве, но его творения канули в бездну веков, и от всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев<...> Безымянный певец вдохнул русскую боевую душу в язык юный, но и самую странностию привлекательный; он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, славялюбивый дух народа дышит в каждой строке.

Там же, стр. 211—212.

...новая эпоха в красноречии настает от *Феофана*, в стихотворстве от *Кантемира*<...> но язык Феофана неправилен, изломан, испещрен польским и славянским. Остроумный Кантемир хотя unsuccessfully ввел французский, вялый силлабический размер, хотя писал слогом неровным, жестким, хотя дружил нас с европейскими мыслями на языке народном, еще необработанном, но как философ, как верный живописец нравов и обычаев века, будет жить славою в дальнем потомстве!

Подобно северному сиянию с берегов Ледовитого моря, гений *Ломоносова* (род. 1711, ум. 1765) озарил полночь. Он пробился сквозь препоны обстоятельств, учился и научал, собирал, отыскивал в прахе старины материалы для русского слова, созидал, творил — и целым веком двинул вперед словесность нашу. — Русский язык обязан ему правилами, стихотворство и красноречие — формами, тот и другие — образцами. Дряхлевший слог наш юнел под пером Ломоносова.

Там же, стр. 212—213.

Наконец, к славе народа и века, явился *Державин*, поэт вдохновенный, неподражаемый, и отважно ринулся на высоты, ни прежде, ни после него не достигаемая<...> Его слог неуловим, как молния, роскошен, — как природа. Но часто восторг его упреждал в полете правила языка, и с красотою вырывались ошибки.

Там же, стр. 217.

...Блеснул *Карамзин* на горизонте прозы, подобно радуге после потопа. Он преобразовал книжный язык русский, звучный, богатый, сильный в сущности, но уже отягчалый в руках бесталантных писателей и невежд-переводчиков. Он двинул счастливою новизною ржавые колеса его механизма, отбросил чуждую пестроту в словах, в словосочинении и дал ему народное лицо. Время рассудит Карамзина как историка; но долг правды и благодарности современников венчает сего красноречивого писателя, который своим прелестным, цветущим слогом сделал решительный переосрот в русском языке, на лучшее.

Там же, стр. 219.

Н. И. Карамзин выдал в свет X и XI томы Истории Государства Российского <...> смело можно сказать, что в литературном отношении мы нашли в них клад. Там, видим мы свежесть и силу слога, заманчивость рассказа и разнообразие в складе и звучности оборотов языка, столь послушного под рукой истинного дарования.

Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. Соч., т. XI, стр. 192.

*Востоков*¹⁰ первый показал опыт над гибкостью русского языка для всех стихотворных размеров. <...>

И. А. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравов-учению. В каждом его стихе виден русский здравый ум. <...> Читая стихи его, не замечаешь даже, что они стопованы — и это-то есть верх искусства. <...>

Александр Пушкин <...> еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога, и в первой юности дался ему клад русского языка, открылись чары поэзии. <...>

Мысли Пушкина остры, смелы, огнисты; язык светел и правлен. Не говорю уже о благозвучии стихов — это музыка; не упоминаю о плавности их — по русскому выражению, они катятся по бархату жемчугом!

1823. Взгляд на старую и новую словесность в России. Соч., т. XI, стр. 221, 224, 227.

1. Бестужев выступает против Катенина, оказавшегося союзником Греча. Еще в 1819 г. в «Сыне Отечества» № 3, разбирая катенинский перевод трагедии Расина «Эсфирь», он осуждал Катенина за чрезмерную архаичность, за смешение неупотребительной «заржавелой славяничины», с простыми русскими словами. «Замечания на критику», — ответ Бестужева на статью Катенина об «Опыте краткой истории русской литературы» Греча, где Катенин заявил, что «Слово» написано белорусским наречием, а летопись «варварским языком». В ответе Бестужев категорически отвергает неверные заявления Катенина и считает, что собственно русский язык существовал «гораздо прежде XII века» и в летописях уже нужно искать «выражений слов и прихотей», родного языка.

2. В 1821 г. в «Соревнователе просвещения и благотворения» Бестужев напечатал статью о публичном чтении в Российской Академии наук, в которой, между прочим, очень сдержанно отозвался о речи А. Шишкова на тему «О древности и превосходстве русского языка перед другими в звукоподражательном и логическом отношениях», а в «Сыне Отечества» сделал ряд критических замечаний и серьезных возражений. В борьбе за развитие современного литературного языка на всенародной основе писатели-декабристы, в том числе и Бестужев, высказали свой взгляд и на язык древней Руси. Шишков ответил Бестужеву «Письмом к издателю», на что Бестужев, в свою очередь, написал «Ответ на письмо к издателю». Писатель-декабрист решительно выступил против реакционной теории Шишкова, отказываясь видеть в старославянском наречии источник русского языка. Он с особой силой подчеркнул, что проблему литературного языка нельзя решать изолированно от языка эпохи, что русский язык в настоящее время ждет своего реформа-

тора и таковым будет великий писатель Пушкин. Бестужев, в противовес Шишкову, указывал на громадную роль писателей в развитии языка. «Писатели суть творцы языка (без коего нельзя и беседовать), а язык доставляет бессмертие времени и народу».

3. «Возражатель» — А. С. Шишков. В ссылке на историкографа Бестужев имеет в виду речь Н. М. Карамзина, произнесенную им в собрании Российской Академии наук 5 декабря 1818 г.

4. Статья была напечатана в альманахе «Полярная Звезда» за 1823 г. Суждения, высказанные в ней Бестужевым о развитии русского языка, слишком общи и поверхностны. Цитата приводится потому, что основной пафос статьи — вера писателя в силу и сопротивляемость родного языка как языка литературы. В ней есть также верные наблюдения по вопросу о засорении русского языка иноязычными элементами.

5. Он — «Возражатель» — это А. Шишков.

7. Бестужев дает декабристское обоснование, почему нужно обращаться в современной поэтической практике к отдельным славянским словам. Из старославянского языка нужно, как из арсенала, брать только звучные слова, способные придать поэтической речи возвышенность и «громкость». В декабристской поэзии элементы старославянской лексики — одно из средств борьбы с салонным «языком» карамзинистов и одна из возможностей выражения своеобразия.

6, 8. В обоих случаях Бестужев полемизирует с Шишковым. В цитируемых отрывках Бестужев ставит вопрос о необходимости создания отечественного философского языка, языка «ученой номенклатуры».

9. Под школами Бестужев имеет в виду «Беседу» Шишкова и «Арзамас» карамзинистов. По правильному утверждению Бестужева, язык надо обогащать, очищать, но не возвращать его к языку церковных книг, не превращать в жаргон, в «язык дворянского салона». Писателям в языковой практике нужно опираться на язык народа.

10. В творчестве Востокова довольно отчетливо проявились новаторские тенденции. Он стремится привить русскому поэтическому языку «национальный дух», «свободный и независимый». Реформа стиха шла по линии разработки неравномерных размеров, сложных строфических конструкций, особенно же в литературной обработке стиховых форм народной поэзии.

В «Опыте о русском стихосложении», высоко оцененном Пушкиным, Востоков дал и теоретическое обоснование русского народного стиха. Весь «механизм стиха» (тематика, образы, строфика, размеры) был направлен против легкой, жеманной поэзии карамзинистов, а равно и против стиховых штампов и строгой регламентации поэзии классицистов.